

задействовано множество высокотехнологичных процессов, не нужно знать, как именно он работает, нужно лишь отправить запрос и дожидаться печати.

¹⁹ См.: Tao F., Zhang L., Venkatesh V. C., Luo Y., Cheng Y. Cloud manufacturing : a computing and service-oriented manufacturing model // Proceedings of the Institution of Mechanical Engineers, Part B: Journal of Engineering Manufacture, 2011/8/22. DOI: 10.1177/0954054111405575.

²⁰ См.: Maciá Pérez F., Berná Martínez J. V., Marcos

Jorquera D., Lorenzo Fonseca I., Ferrándiz Colmeiro A. Cloud agile manufacturing // IOSR Journal of Engineering. 2012. Vol. 2, № 5. P. 1045–1048.

²¹ См.: 5 Cloud Computing Statistics You May Find Surprising. URL: <http://cctoffice.com/2011/11/5-cloud-computing-statistics-you-may-find-surprising> (дата обращения: 25.04.2015).

²² См.: Top 10 Cloud Computing Statistics. URL: <http://netmetix.wordpress.com/2011/11/09/top-10-cl> (дата обращения: 25.04.2015).

УДК 316.356.2

НЕРАВНЫЙ БРАК: СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОМБИНАЦИИ ВОЗРАСТОВ

С. В. Климова¹, М. Э. Елютина²

¹ Саратовский социально-экономический институт Российского государственного экономического университета им. Г. В. Плеханова

E-mail: klimovasv@yandex.ru

² Саратовский государственный университет

E-mail: elutina133@mail.ru

В статье на материале социально-демографических исследований второй половины XIX в. и авторских социологических исследований на рубеже XXI в. осуществляется сравнительный анализ структурных особенностей, функций и социального восприятия неравных по возрасту супружеских союзов, предлагаются концептуальные положения о социальной роли неравных браков.

Ключевые слова: функции брака, религиозные предписания, инновации брачного поведения.

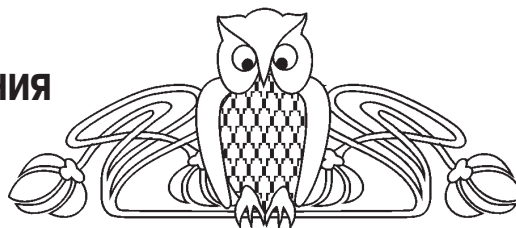
Mismatch: Social Bases of the Combination of Age

S. V. Klimova, M. E. Elutina

In article on material of social and demographic researches of the second half of the XIX century and author's sociological researches at a boundary of XXI the comparative analysis of structural features, functions and social perception of the matrimonial unions, unequal on age, is carried out, conceptual regulations on a social role of mismatches are offered.

Key words: marriage functions, religious instructions, innovations of marriage behavior.

В научном дискурсе эксплицируются определенные тенденции развития семейно-брачных отношений: увеличивается число одиноких мужчин и женщин, растет количество разводов, снижается уровень рождаемости, становится больше неполных семей, нарастает количество повторных браков, интенсифицируются сексуальные отношения вне института брака. Исследователи сходятся во мнении, что институт брака трансформируется в сторону акцентирования личностного своеобразия каждого из членов этого союза, отстаивают идею модернизации института семьи¹.

Изменения касаются и социально-демографических характеристик брачного поведения. Под неравным по возрасту браком понимается определенный тип гетерогамного брачного союза, общим дифференцирующим признаком которого является возраст партнеров, принадлежность супругов к разным возрастным группам. Причем определение брачного союза как неравного по возрастному критерию актуально в том случае, когда брачный союз характеризуется возрастной дистанцией, превышающей социально одобряемые пределы. Неравный по возрасту брак не является инновативным феноменом. Однако в настоящее время социологами отмечается их значительное увеличение в ряде стран на фоне устойчивой тенденции к сохранению количества данных браков во всем мире. В связи с этим актуализируется исследование роли возрастной дистанции между брачными партнерами, а также отношений к разновозрастным бракам. Изучение асимметричных форм брачных союзов представляет интерес на фоне существующей в современной России половозрастной диспропорции среди населения и более чем десятилетней разницы в продолжительности жизни женщин и мужчин.

Для того чтобы понять содержательное наполнение неравного по возрасту брака, а также факторы, обуславливающие развитие данной модели брака на современном этапе, остановимся на особенностях брачного поведения в ретроспективе.

Для воспитания нравов Российское государство использовало в качестве юридического инструмента возрастные ограничения вступления в брак, устанавливая с этой целью не только наименьший возраст, который постепенно повышался, но также и наибольший возраст, который, напротив, со временем понижался. Константин Неволин в сравнительном анализе семейного права Российского государства разных исторических периодов указывает и на то, что «известное отношение лет жениха и невесты»² было пре-

пытствием для заключения брака. Государством устанавливались также социальные нормы для возрастов брачующихся, чтобы супружество начиналось не раньше социального совершеннолетия и отражало жизненный потенциал каждого возрастного статуса. К примеру, во второй половине XIX в. браки до 20 лет относили к преждевременным, от 20 до 25 лет – к ранним, от 25 до 35 лет – к своевременным, от 35 до 50 лет – к несвоевременным и поздним бракам в возрасте старше 50 лет³. Однако рекомендации чиновников и ученых не действовали на брачное поведение широких масс. Статистика брачности в России и Европе на протяжении XIX и начала XX в. показывает, что именно преждевременные браки были самими распространенными: большинство невест в России и значительная часть женихов были младше 20 лет. Различия в составе брачующихся и их возрасте демографы объясняли особенностями этноса, обычаями и привычками, государственными законами. Указывая на лидерство России среди европейских стран по ранним бракам, а также на то, что следующее за ней место занимает Англия, что наибольшее число женихов старше сорока лет оказывается в Баварии, а наибольшее число невест старше сорока лет в Норвегии, Р. Мэйо-Смит писал: «Россия является примером земледельческого государства с общинными учреждениями, при которых брак легок и заключается в раннем возрасте. В Баварии сказывается действие старых законов о браке. В Норвегии молодым супругам, кажется, очень трудно устроиться. Относительно низший возраст вступления в брак в Англии объясняется, быть может, влиянием фабричной жизни, которая сводит мужчин и женщин и облегчает брак в силу того, что женщина участвует в добывании средств на домашние расходы»⁴.

При сохранении общей закономерности того, что невесты моложе женихов, большая часть населения России традиционно раньше, чем в западных странах, вступает в брак⁵. В некоторых регионах досоветской России во второй половине XIX в. число преждевременных браков как со стороны невесты, так и со стороны жениха постепенно возрастало, что вытекало из закономерности прямой зависимости возраста невесты от возраста жениха. В прошлые века мужчины брали в жены женщин моложе себя по той общей причине, что средняя продолжительность жизни в доиндустриальном обществе, уровень медицины и высокая смертность требовали для репродукции юного возраста для матери. Влияли также конкретные черты демографической ситуации на отдельных территориях, например, преобладание среди населения женщин. «В Вятской губернии при численном превосходстве женского пола над мужским, женихам предоставляется полный простор в выборе молодых невест. Следовательно, чем ранее мужчина будет жениться, тем преждевременных браков женщин будет

больше»⁶. В тот же временной период – 70-е годы XIX в. – в Сибири большая часть мужчин среди поляков вступала в браки с большим перевесом в возрасте в свою пользу из-за преобладания среди польского населения Сибири мужчин. Это обстоятельство создавало трудности при выборе невесты своего этноса и заставляло мужчину откладывать создание семьи⁷.

Согласно уставу Евангелическо-лютеранской церкви, не только недостижение брачного возраста, но и чрезмерное неравенство в годах может служить уважительной причиной для отказа родителей в согласии на брак детей. Из-за соображений остановить упадок нравов в протестантской Германии государство препятствовало заключению браков между женщиной и мужчиной, если разница в возрасте между ними превышала пять лет. В 80-е гг. XIX в. в этой стране стали издаваться статистические расчеты о комбинации возрастов брачующихся. Таким образом, с развитием науки в странах с христианской культурой публичный контроль за брачностью стал подкрепляться демографическими исследованиями. В классической традиции демографии XIX – начала XX в. (работы Р. Мэйо-Смита, Г. Майра, А. И. Чупрова) формируется область исследований, которую ученые назвали «нравственной статистикой». Классики демографии уделяли специальное внимание статистическим исследованиям, предметом которых был уровень нравственности в поведении человека. Демографы прошлого века считали необходимым изучать типичность отношения к нормам морали в обществе, к индикаторам которого они относили показатели рождения внебрачных детей, разводов и преступлений, комбинации возрастов женихов и невест. С помощью статистических методов демографы исследовали крупные социальные тенденции, оказывающие влияние на уровень нравственности, степень распространенности среди населения нарушения моральных законов. Моральные критерии повлияли на выбор основных статистических показателей изучения брачности, а именно среднего возраста вступления в брак женщин и мужчин и их относительных возрастов.

Разница в возрасте женихов и невест вызывала особый интерес ученых. В демографии XIX в. словосочетание «неравный брак» получило научную прописку и собственные методики выявления среди всех заключаемых браков. Женихи и невесты группировались отдельно по нескольким возрастным периодам, затем определялись комбинации возрастов, исходя из соотношения числа женихов каждого возрастного периода и числа невест, взятых ими в замужество, также с учетом подразделений по отдельным возрастным периодам.

С помощью статистического инструментария была обнаружена тенденция к взаимному отталкиванию и притягиванию возрастных групп

при заключении браков в европейских странах. Группы женщин моложе двадцати пяти лет и группа мужчин старше сорока пяти лет и, в еще более сильной степени, женщин старше сорока пяти лет и мужчин моложе двадцати пяти лет взаимно отталкиваются друг от друга⁸. Национальные особенности также влияли на предрасположенность к неравным бракам. Например, в Англии в 70-е гг. XIX в. отталкивание между этими группами было в большей степени, чем в Италии. В целом статистические методы показывали, что абсолютное большинство браков в европейских странах заключалось в одной возрастной категории, а разница в среднем брачном возрасте мужа и жены в первых браках меньше, чем в повторных. Например, в сибирских городах в 70-е гг. XIX в. абсолютное большинство вторых и третьих браков были неравными: муж и жена принадлежали к разным поколениям. Но в общей статистике браков эти союзы имели малую долю – не выше 20%⁹. Разводы были практически запрещены, все повторные браки за редким исключением являлись браками овдовевших людей, чаще всего мужчин.

Г. Майр пишет еще об одной интересной тенденции, которую вывел Бодио из данных о возрастной комбинации брачующихся в западноевропейских странах и России в XIX в.: «Для каждой возрастной группы как женихов, так и невест, он вычислил средний возраст выбранных им супруг и супругов. Мужчины, вступающие в брак в самых молодых возрастах, оказываются в среднем выводе моложе своих жен, но в позднейших возрастах вступления в брак мужчины бывают уже старше своих жен и тем старше, чем позднее они вступают в брак. Напротив, если исследовать возрастную комбинацию брачующихся, исходя от возрастов невест, то самая большая разница в годах брачующихся оказывается при самых молодых возрастах невест, когда последние бывают значительно моложе своих женихов. Эта разница постепенно сглаживается, и невесты старых и самых старых возрастов бывают уже старше своих женихов»¹⁰.

Демографами также было обнаружено влияние занятий и социального положения на комбинацию возрастов в браке. Например, в европейских странах представители интеллигенции и служащих женились в более позднем возрасте из-за достижения экономического положения, в котором они в состоянии содержать семью. Р. Мэйо-Смит приводит данные, в соответствии с которыми в Пруссии самый младший возраст вступления в брак оказался среди рудокопов, наборщиков, фабричных рабочих и поденщиков; самый старший – среди артистов, литераторов, трактирщиков, духовенства и солдат; женщины высших классов выходили замуж в более позднем возрасте, чем женщины рабочих¹¹.

В России принадлежность к сословию имела аналогичное влияние на возраст вступления в

брак и на разницу возрастов жениха и невесты: браки между мужчиной и женщиной разных поколений среди сословий общества были распространены с различной частотой. Как правило, юный возраст невесты не был главной целью и ценностью для мужчины при заключении брака. В крестьянской среде и женщина, и женщина занимались тяжелым физическим трудом, что обостряло проблему воспроизводства здорового поколения. В силу жестких законов феодальной иерархии возможность повышать свои позиции в обществе для крестьян отсутствовала. Традиционно крестьяне создавали семью по достижении возраста венчания. В сословии чиновников, военных и купцов мужчины тратили годы на приобретение положения в обществе и экономического статуса для содержания семьи, поэтому они намного позже вступали в брак, по сравнению с мужчинами из крестьян, пролетариев и мещан. Отсюда большая разница в возрасте супругов в браках мужчин, находящихся на военной и государственной службе, а также предпринимателей, несмотря на то, что женщины соответствующих сословий, так же как и в западноевропейских странах, позже выходили замуж, как бы «подтягиваясь» под условия мужчин. Ю. М. Гончаров приводит следующие показатели разницы возрастов супругов, характерных для ряда городов Сибири в 70-е гг. XIX в.: «...для дворян и чиновников – 8,4–9,5 года, военных – 6,4–9,9 года и купцов – 4,3–8,6 года. В других сословиях разница в возрасте супругов была ниже: у мещан 3,9–7,5 лет, крестьян – 3,5–5,9, духовных – 3,3–4,2 года»¹². В купеческих семьях значительная разница в возрасте (свыше 10 лет) встречалась чаще всего: предприниматели могли позволить себе жениться после того, как было налажено собственное «дело». В повторных браках купцов она составляла в абсолютном большинстве случаев 15–20 лет в пользу мужчины¹³. Осуждение общественным мнением безбрачия приводило к высокому уровню брачности, и вдовцы не имели возможности взять повторно в жены ровесниц, так как в зрелом возрасте большинство женщин были замужем. Свободными на брачном рынке оставались юные девушки, к которым обращались зрелые мужчины.

Христианство предписывает и женщинам, и мужчинам обязательное вступление в брак, что служило ориентиром и в случае смерти супруга, однако вдовцам нужна была также хозяйка в доме и воспитательница осиротевших детей. Хозяйственные интересы семьи зачастую мотивировали заключение неравных браков в русских деревнях. Более того, при наличии выгоды для семьи родители не смотрели на то, что невеста могла быть намного старше жениха. Государственная мобилизация крестьян в армию, на строительство вдали от родного дома также создавали условия для асимметричных по возрасту браков. В деревнях оставалось большое ко-

личество незамужних женщин, брачный выбор которых резко ограничивался массовым изъятием мужчин, поэтому в качестве потенциальных рассматривались не только ровесники, но и свободные мужчины разных возрастов.

В целом в царской России разновозрастных браков в абсолютном количестве было очень мало. В начале XX в. чаще всего встречались неравные браки вдовцов с девицами, которые составляли 5–10% от повторных браков. Повторные браки, в свою очередь, составляли 10–15% от всех заключаемых браков в стране. Разница лет брачующихся мужчин и женщин в среднем составляла 4–5 лет¹⁴. По результатам исследования Ю. М. Гончарова относительно сибирского населения, в 70-е гг. XIX в. в среднем в первых браках разница в возрасте супругов составляла 3–4 года¹⁵.

Семейное каноническое право христиан и мусульман ограничивает заключение браков между кровными родственниками и свояками. У христиан запрещены браки до четвертого колена включительно между кровными родственниками и свояками как по вертикальной линии, так и по горизонтальной. У языческих народов, в том числе проживавших на территории Российской империи, напротив, в определенных ситуациях предписывались браки внутри семьи (левират) и нет возрастных установлений как нравственного критерия для заключения брака, отсюда неравные браки были обычным явлением в среде язычников. Экономические соображения двигали родителями при определении семейной жизни детей, среди которых преобладала необходимость обеспечить натуральное хозяйство работниками. Несмотря на то что в обществе язычников был принят определенный возраст для заключения брака (16–20 лет), например, среди некрещеного населения народов Сибири были случаи, когда невесты и женихи начинали жить в доме будущих супругов в малолетнем возрасте. Нередко невеста была старше своего жениха, если труд девушки нужен был в родительской семье и ее долго не выдали замуж, если в доме малолетнего жениха нужна была работница, если вдова брата, на которой вынужден был жениться мужчина по обычаю левирата, была старше его, если малолетнего мальчика родители невесты брали на воспитание в свою семью. Юную девушку бедные родители могли выдать замуж за немолодого мужчину, чтобы получить большой выкуп¹⁶.

Таким образом, в сословном обществе европейских стран комбинации возрастов супругов зависели от среднего возраста вступления в брак мужчины какого-либо сословия или профессиональной группы, а неравный брак существовал в большинстве случаев в виде повторного брака, который заключали как под влиянием религиозных установок, так и с прагматической целью. В целом неравные браки заключались в силу

вынужденных обстоятельств, в которых невозможно было соблюсти социальное правило равенства возрастов супругов. Поскольку для каждого сословия были свои возрастные критерии в брачной практике, разнопоколенные браки не попадали в оценочное поле дихотомии «нормы» и «девиации». В обществе было принято считать неравным брак, если мужчина был старше жены на 10 и более лет¹⁷, но к таким супружествам не было отношения как к отклонению в рамках дихотомии «типичности» и «нетипичности» как нетипичному виду брачного союза. Разновозрастные браки имели выраженную *инструментальную функцию* способа адаптации женщин и мужчин к конкретным социальным условиям развития семьи. Сословная дифференциация исключала общую возрастную комбинацию. Равный возраст жениха и невесты на крестьянской свадьбе и разнопоколенный брак чиновника были одинаково «нормальными» для сословного общества.

Изменилась ли социальная природа неравного брака в российском обществе после уничтожения кастовой иерархии? В современной российской статистике утрачена традиция изучения комбинаций возрастов женихов и невест: в учреждениях Росстата не найти соответствующих данных. Это следствие отделения церкви от государства и ослабления ориентации на нравственность в публичном контроле брачного поведения. Поддерживая традицию отечественной демографии досоветского периода, государственные органы статистики последний раз произвели расчеты комбинаций возрастов вступающих в брак граждан СССР по данным переписи населения 1926 г. Тем не менее, можно констатировать, что в настоящее время тема асимметричного по возрасту брака привлекает внимание ученых, начинает активно обсуждаться в междисциплинарном дискурсе, приобретает новизну в связи с новыми возможностями репродуктивных и медицинских технологий в контексте происходящего процесса размывания системы поведенческих норм в сфере брака, семьи, семейных функций и представлений о содержании семейных ролей. Обобщая результаты авторских эмпирических исследований неравного по возрасту брака можно сделать выводы, фиксирующие наличие разных тенденций в консервации или инновации брачных отношений.

В гендерном порядке в настоящее время сохраняются традиционные гендерные стереотипы, обосновывающие структурное социальное неравенство по принципу пола: женщина – товар, мужчина – покупатель. Мужчина – кормилец, хозяин, обеспечивает достаток, женщина платит за достаток своей молодостью. На фоне сохранения традиционных ориентиров для интерпретации брачных ролей развиваются изменения социальных оснований данной формы брака, которые обнаруживают себя в институциональных нормах

и санкциях, с помощью которых осуществляется легитимация определенной «нужной» формы брачного поведения, в латентном комплексе представлений человека о «нормальном браке», включающем неочевидные культурные знания о возрасте вступления в брак, о сюжетах брачного поведения, о возрастных характеристиках вступающих в брак.

Рельефно проявляются как ролевые, так и инструментальные особенности неравного по возрасту брака. Характерным паттерном асимметричного по возрасту брака выступает наличие ведомых и ведущих. Такое ролевое распределение проявляется либо в явной, либо в латентной формах. Наличие старшего супруга/и – есть некий перескок, нарушающий естественную динамику супружеских отношений в направлении достижения смыслового синтеза, приводящего к образованию нового смыслового поля взаимодействий. Как правило, старший(ая) партнер(ша) располагает ресурсами создания безопасного пространства внутри семьи для выражения и разрешения разногласий, гнева, конфликтов¹⁸. Межпоколенческое распределение ролей в браке дополняется чувственными аналогами. Эмоциональное наполнение эротических отношений женщин и мужчин неравных по возрасту союзов создает комфорт для партнеров, защищает их от страстей и сильных переживаний, с которыми связана любовь, поскольку в этих союзах присутствуют «заменители» чувства любви, вызванные разницей в возрасте. В чувственном плане женщины и мужчины в таком супружестве воспринимают себя как старших и младших родственников, соответственно, уступая, как и принято, «по старшенству», но и пользуясь правом младшего на снисхождение¹⁹.

Неравный по возрасту брак не утратил своей прагматической составляющей, когда он ценится не за его собственные, внутренние свойства, а за то, что с его помощью можно приобрести, к примеру – статус, связи, наследство. В основе такого брачного союза нередко лежит желание использовать его с целью «дотянуться» по релевантным признакам до определенного социально заданного стандарта или получить поддержку и покровительство. Интересно то, что в современном обществе к желаемым «приобретениям» с помощью неравного по возрасту союза присоединился профессиональный статус. В экономике наемного труда и женщины, и мужчины стремятся к конвертируемости человеческого капитала, достижению с помощью профессионального обучения высокого положения в социальной иерархии и экономического статуса. Если женщина не может с помощью своей профессии и занятости подняться «на социальном лифте» на желаемую позицию, она в качестве способа мобильности ориентирована на неравный брак²⁰.

В качестве структурной особенности социального восприятия данной формы брака

можно выделить то, что отношение к асимметричному по возрасту браку коррелирует как с количественным показателем дистанции, так и с гендерным статусом. Допустимость или недопустимость какой-либо разницы в возрасте между супругами является общественно сконструированным феноменом, который сильно подвержен дальнейшей трансформации. По данным наших исследований, для асимметричного брака с возрастным перевесом в сторону мужчины допустима разница в возрасте в 10 и более лет, что соответствует определению классического неравного по возрасту брака, если перевес в сторону женщины, эта разница сжимается до 5 и менее лет. Возрастная асимметрия супругов выступает определенным индикатором изменения моделей гендерного взаимодействия. В настоящее время, несмотря на то что отмечается вариативность возрастной дистанции между супругами как в сторону мужчины, так и в сторону женщины, общество продолжает оставаться более лояльным к союзам, когда мужчина значительно старше женщины, и категоричнее к обратным ситуациям.

Представители разных возрастных групп различно воспринимают асимметричный брак: чем старше возраст, тем менее значима возрастная дистанция между партнерами по асимметричному браку, и наоборот, чем младше возраст, тем в большей степени люди формируются по группам сверстников. Увеличение количества асимметричных по возрасту браков отмечается в старших возрастных группах, что объективно обусловлено демографическим составом населения.

Отметим, что «общее дело» (в области науки, искусства), пропитывающее всю семейную жизнь, «совпадение когнитивных ориентаций», «синхронизация мыслей и чувств», взаимное удовлетворение от обмена «деятельностями» и «сантиментами», «выгодами и издержками» делают проблему возрастной дистанции между супругами невидимой²¹.

Социальные представления об асимметричном браке находятся в противоречии с реальным поведением людей. В общественном мнении и сегодня доминирует негативное отношение к неравным бракам, но их восприятие современными женщинами и мужчинами модернизировалось в силу того, что практики семейно-брачных отношений демонстрируют укрепление либеральных ценностей, в которых индивидуализм и возможность выбора различных моделей брака, в том числе и асимметричного, начинают играть одну из ключевых ролей. Когда в обществе семейное право обосновывалось каноническим правом, неравное по возрасту супружество было вынужденным способом социализации в браке. В обществе с демократическими принципами регулирования гендерных отношений, напротив, для неравных браков шире перспектива из-за его выраженной прагматической функции.

Канонические взгляды, законсервированные в общественном мнении, и сегодня часто входят в противоречие с вариативностью брачного и полового партнерств, предъявляя на макроуровне иные требования к содержанию семейных отношений. Однако на микроуровне анализа неравных по возрасту союзов можно констатировать, что женщин и мужчин в таком супружестве устраивает эмоциональное и ролевое наполнение партнерских отношений и дает возможность реализовывать свои жизненные цели.

Примечания

- ¹ См.: *Елютина М. Э., Климова С. В.* Благополучие семьи : парадигма комплексного институционального анализа // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 19–27.
- ² История Российских гражданских законов. Сочинение Константина Неволлина. Т. 1. Введение и книга первая о союзах семейственных. СПб : В Типографии Императорской Академии Наук, 1851. С. 166. «В Синодском указе 1775 г. между незаконностями вступления в брак поименовано и то, что лица весьма различных лет соединяются между собой браком. В других Синодских указах слишком великая разница лет жениха и невесты также рассматривается как препятствие ко вступлению в брак» (Там же. С. 170).
- ³ См.: Движение народонаселения Вятской губернии за 1874 год. Сравнительно с предшествующим 20-летием. Вятка : Губернская типография, 1876. С. 13.
- ⁴ *Мэйо-Смит Р.* Статистика и социология. М. : Издание О. Скимунта, 1900. С. 115.
- ⁵ В последней четверти XIX в. средний возраст вступления в брак в Швеции для мужчин – 30,2 года, для женщин – 27,2 года, во Франции – соответственно 29,5 и 25,2 года, в Пруссии – 29,8 и 26,2 года, в Англии – 28,4 и 26,2 года. (См.: *Яковенко Е. И.* Медицинская статистика : Введение в социальную медицину. М. ; Л. : Госиздат, 1920. С. 40).

- ⁶ Движение народонаселения Вятской губернии за 1874 год... С. 16.
- ⁷ См.: *Гончаров Ю. М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул : ИИ СО РАН-АГУ, 2002. С. 189.
- ⁸ См.: *Майр Г.* Закономерности в общественной жизни. М. : Типография Т-ва Д. Сытника, 1899. С. 567–568.
- ⁹ См.: *Гончаров Ю. М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. С. 183.
- ¹⁰ *Майр Г.* Указ. соч. С. 355.
- ¹¹ См.: *Мэйо-Смит Р.* Указ. соч. С. 116.
- ¹² *Гончаров Ю. М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. С. 190.
- ¹³ См.: *Гончаров Ю. М.* Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М. : Изд-во ИЭиА РАН, 1998. С. 129.
- ¹⁴ См.: *Влайков Г. О.* Курс санитарной статистики. Киев : Изд-е Лукьяновского народного дома, 1913. С. 101.
- ¹⁵ См.: *Гончаров Ю. М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. С. 200.
- ¹⁶ См.: Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энты. Нгасаны Кеты / отв. ред. И. Н. Гемуев. М. : Наука, 2005. С. 149, 462, 603, 698. (Сер. «Народы и культура»).
- ¹⁷ См.: *Гончаров Ю. М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. С. 188.
- ¹⁸ См.: *Елютина М. Э., Быкова Н. О.* Модели асимметричного по возрасту брака // Вестн. Саратов. гос. техн. ун-та. 2008. № 2 (39). С. 277–283.
- ¹⁹ См.: *Климова С. В.* Любовь как социальный феномен : Гетеросексуальные эротические отношения глазами социолога. Саратов : СГТУ, 2002. С. 97–120.
- ²⁰ См.: *Климова С. В.* Анализ отношений юных женщин с мужчинами среднего возраста // Социс. 2002. № 2. С. 142–145.
- ²¹ См.: *Елютина М. Э., Быкова Н. О.* Асимметричный по возрасту брак в оценках супругов // Социс. 2012. № 1. С. 83–93.

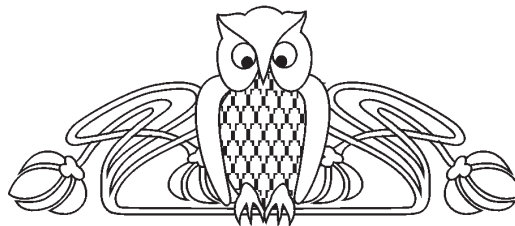
УДК 316.3

КАРЬЕРА СОЦИОЛОГА: ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА

Э. С. Восканян

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: evelina.voskanyan@mail.ru

В статье раскрывается актуальная на сегодняшний день тема трудоустройства выпускников социологических факультетов, выделяются и описываются характерные противоречия между ожиданиями выпускников и предложениями работодателей на рынке труда. Автор рассматривает основные сферы приложения труда молодых людей с социологическим образованием, анализирует зарубежный и отечественный опыт взаимодей-

ствия социологического образования и работодателей, в результате выявлены существующие проблемы и сформированы сценарии наиболее эффективного поведения выпускников-социологов на рынке труда.

Ключевые слова: образование, социолог, выпускники, трудоустройство, трудовая занятость, востребованность, профессиональные качества, рынок труда.